

ПРИВЕТСТВИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ДЕВЯТЫХ ГЕРЦЫКОВСКИХ ЧТЕНИЙ ОТ Т. Н. ЖУКОВСКОЙ

Добрый день дорогие участники!

Мы открываем уже XI Герцыковские чтения в Судаке, ставшие традиционными. Наряду с Чеховскими, Волошинскими, Гриновскими, Шмелевскими они составляют единую картину литературной жизни начала XX века не только в Крыму, но и в стране. Крым был тогда, как, впрочем, и теперь – счастливым прибежищем для творческих людей России. Особенность нашей конференции в том, что она собирает у себя не только литераторов, но и краеведов, делая попытку воскресить жизнь Крыма, Судакского региона в разные эпохи, конечно особенно конца XIX – начала XX века. Так что я бы назвала их «Литературно-краеведческие Герцыковские чтения». Мне кажется, что итоги прошедших Восьми конференций уже принесли свои плоды: имена сестер Аделаиды и Евгении Герцык, их близких и друзей, философов Сергея Булгакова, Ивана Ильина, Николая Бердяева, а также поэтов-эмигрантов Юрия Терапиано, Людвиг Домгера, Ивана Савина отражены в докладах конференции достаточно широко. И в вышедшей в год воссоединения Крыма с Россией антологии «У времени на юру. История Крыма в русской поэзии», составленной судакчанкой Людмилой Порубай также можно заметить следы и влияния докладов наших Чтений. Часто даются прямые ссылки на выдержки из сборников их материалов. Я хотела бы обратить внимание на эту антологию, с широким и великолепным отбором поэтических примеров и вышедшую очень ко времени.

Традиционно завершу свое выступление цитатами из Герцыковского архива. В недавно найденных записках Л. А. Герцык (урожд. Жуковской) о последних днях Аделаиды Герцык в Судаке и на этой земле в июне 1925 года, ровно 90 лет назад: «Хочется все, все припомнить. Восстановить все в памяти своей о всей жизни и о последних неделях ее с нами. И кажется, что из всех этих последних слов, писем, фактов, даже движений повседневной жизни нужно понять нам какой-то завет ее... Приехала 22 мая, увидела ее в окне, не узнала сразу от ее черной, нескладной, незнакомой одежды, подаренной, конечно. На лице сильный отек, подумала: обветрилась после трудной дороги (ехала на мешке с серой, под проливным дождем двое суток) – стала снимать мокрую и высохшую уже с себя одежду. Обедали, пили чай, на тарелке сдобный хлеб из Симферополя – на дорогу от соседки – так навсегда и запомнится мне. Потом опять побежала в лавку, где подвода выбросила вещи. Среди всего ее ласковые, кроткие, спешные слова и расспросы. Но так светло, весело, спокойно, уверенно, улегченно стало в доме нашем...

В первое же воскресенье с базара забегала в церковь. Она рассказывала мне о том, что последний месяц – полтора (пока Ника был в Гурзуфе) часто ходила в церковь, которую разыскала себе в Симферополе «не живую». Там говела она постом, по письмам 31 марта. Говорила, что так привыкла бывать на каждой службе, что даже странно не пойти, не хватает чего-то..

Мальчиков очень ждала, хоть давно не видела я ее такой свободной от семьи, радовалась тому, что она отдыхает от обычных симферопольских дум и забот...

Мы прожили еще после приезда мальчиков 5 дней вместе и это были мои последние дни с Адей.

Читали друг другу некоторые письма, полученные зимой – папы, Леша, Людмила, Сони и много писем Веры Ст. также присланные ей выписки «о Розанове», книги Н. А. Б. и др.

Потом еще был базар, Троица, бегала за салатом через долину, за провизией. Потом болезнь Вероники...

В эти последние дни она мне принесла прочесть маленькую тоненькую, голубую тетрадь, в которой написано ее рукой всего несколько страничек. Это последние, ею записанные о себе странички.

В последние два дня до болезни Адя читала мне свои очерки Подвальные (это последнее ее писание). Прочесть успела только первые три. Вечером накануне болезни сидела на низенькой скамеечке у моей кровати (это было уже совсем перед сном), и мы говорили о том, что

она прочла мне. Я побуждала ее закончить эти очерки, дополнить, углубить еще; она говорила, что не стоит и не хочет, и не может больше вернуться к ним. Но потом вдохновилась и сказала, что уже знает, как нужно изменить и чем пополнить их. И тут же мельком сказала, что то совсем другое назревает, о чем бы хотелось написать. Но так это было мельком сказано, что я не спросила о чем, что еще она хотела сказать.

В прошлом году летом, когда рождались эти очерки, она повторяла, что чувствует, что должна еще что-то сказать в жизни перед смертью (так просто мы это говорили...), но часто опять сомневалась: нужно ли, может ли она еще, то ли это что нужно и что хочется из глубины...»

*Друзья! Ведь это только «путь»!
Когда заря погаснет в небе,
Нам можно будет отдохнуть,
Тоскуя о небесном хлебе.
Молитву краткую шепнуть,
На миг поверить близкой встрече,
А утром снова, снова в путь
Тропой унылой человечьей...
Звезды над ней не блещут,
Птицы над ней не плещут.
Господи! Помогите нам...*

1921, Судак.